Атабекян А.

Вопросы теории
и
практики

НИЛ — Библиотека
ЕН1231
А917 р

335.8
A-92

Ал. Атабекянъ.

BURO POLSKIE C. K. R. K. P. Biblioteka

ВОПРОСЫ

теоріи и практики.

EH1231 P
A917

335.8
A92

Объ анархистской литературѣ, тактикѣ и организаціи.

МОСКВА.
Издательство „ПОЧИНЪ".
1918.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН1231 р
А 917

340181 у
120/0
28

Серг. типографія Московскаго Совѣта Раб. и Солд. Депутатовъ.

Вопросы теоріи и практики.

I.

Нѣсколько словъ объ анархистской литературѣ.

Просматривая анархистскую, литературу, періодическіе листки и брошюры, поражаешся той неясности и путаницѣ во взглядахъ, которыя царятъ въ мысляхъ многихъ товарищей. Въ огромномъ большинствѣ статей, не исключая замѣтокъ освѣдомительнаго характера, отсутствуетъ связующее звено анархистской мысли и метода оцѣнки общественныхъ явленій. Рѣчь идетъ не о тѣхъ, довольно многочисленныхъ статьяхъ, въ которыхъ изступленная, почти болѣзненная, безсвязная фразеологія замѣняетъ здравый смыслъ. Встрѣчаются и другія статьи, по логическому построенію послѣдовательныя, по формѣ изложенія—остроумныя, но по прочтеніи которыхъ читатель долженъ сдѣлать усиліе мысли, чтобы схватить связь изложеннаго, какъ съ ученіемъ анархіи, такъ и съ реальной жизнью; вслѣдствіе этого, наша литература теряетъ значительную часть своей пропагандистской силы.

А происходитъ это по двумъ главнымъ причинамъ: первая изъ нихъ—это то явленіе, которое проф. Зомбартъ назвалъ *механизаціей* идей и лозунговъ политическими партіями *); вторая—игнорированіе многими анархистами литераторами метода изученія общественныхъ явленій, лежащаго въ самой основѣ научнаго анархизма—*метода эволюціоннаго мышленія.*

---

*) См. „Политика, какъ профессія", изложеніе проф. Тополіанца по Зомбарту.—Изд. „Починъ", 1918.

Политическія партіи государственниковъ стремятся завербовать въ кратчайшій срокъ возможно большее число членовъ въ свои ряды въ цѣляхъ скорѣйшаго захвата власти (избирательными записками или прямо насиліемъ), а потому онѣ не останавливаются надъ серьезной пропагандой своихъ идей, увлекая возможно болѣе людей въ свои ряды, не заботятся объ ихъ идейной подготовкѣ. Для скорѣйшаго достиженія непосредственной цѣли—завладѣнія властью (этого одинаково добиваются какъ соціалистическія, такъ и буржуазныя политическія партіи), онѣ *агитируютъ*, и въ разгарѣ этой агитаціи создается невозможная нравственная атмосфера вражды, доходящей до человѣконенавистничества, гдѣ свой своего не узнаетъ и гдѣ *слова теряютъ свой прямой смыслъ*, отрываются отъ дѣйствительности, лишаются конкретнаго содержанія.

Анархистская литература не избѣжала зараженія этимъ процессомъ искаженія понятій и словъ, выражающихъ ихъ. „Соціальная революція“, „объединеніе снизу вверхъ на федеративныхъ началахъ“, „свободная коммуна“, „анархистскій коммунизмъ“, „уничтоженіе частной собственности“ и т. п. лозунги, въ сущности, являются оторванными отъ реальной жизни, отвлеченными, *механизированными* терминами или просто искаженными понятіями, въ которыя предстоитъ либо внести конкретное содержаніе, либо отбросить ихъ. Анархистская литература повторяетъ на всѣ лады эти и имъ подобные лозунги, рѣдко заботясь вложить въ нихъ практическое содержаніе.

Другимъ упущеніемъ анархистской литературы является то, что многіе наши товарищи, сотрудники газетъ и авторы листовокъ и брошюръ, подходятъ къ вопросамъ безъ системы, безъ метода. Они начинаютъ разбирать интересующія ихъ явленія сами по себѣ, подходятъ къ нимъ съ болѣе или менѣе произвольнымъ и поверхностнымъ критическимъ анализомъ, измѣряютъ по готовымъ догматамъ своей анархистской вѣры и,

сообразно съ этимъ, дѣлаютъ тѣ или иные практическіе выводы; они не стараются схватить связи разсматриваемаго явленія съ прошлымъ, установить его мѣсто въ поступательномъ движеніи исторіи,—отсюда и та путаница въ тактикѣ анархистовъ, тѣ различія въ оцѣнкѣ тактики другихъ политическихъ партій, та нетерпимость къ однимъ и увлеченія другими, (какъ большевики): короче говоря, тѣ ошибки, которыя дѣлаютъ сейчасъ анархисты.

Все это происходитъ отъ того, что мы упускаемъ изъ виду упомянутый выше методъ изученія явленій, лежащій въ основѣ научнаго анархизма—*методъ эволюціоннаго мышленія.*

«Нельзя къ общественнымъ вопросамъ подходить только съ точки зрѣнія желательности и нежелательности, съ точки зрѣнія пользы и вреда,—ихъ нужно разсматривать съ точки зрѣнія развитія культуры, *эволюціи.*

Сила произведеній нашего учителя Кропоткина въ томъ-то и состоитъ, что онъ широко пользуется этимъ методомъ и первый, полнѣе другихъ, примѣнилъ его при обоснованіи ученія объ анархизмѣ; вотъ почему его и считаютъ однимъ изъ главныхъ основателей современнаго анархизма. А такъ какъ этотъ методъ наученъ, и противъ обоснованныхъ научныхъ доводовъ возражать не приходится, то почти всѣ наши противники преклоняются передъ выводами товарища Кропоткина и только отводятъ осуществленіе его идеаловъ... въ далекое будущее.»

Какъ будто научный анархизмъ предрѣшаетъ осуществленіе своихъ идеаловъ въ такомъ-то году, а не стремится только *сознательно ускорить* тотъ процессъ, противъ завершенія котораго въ будущемъ рѣдко кто споритъ! Далекое или близкое будущее—это понятіе растяжимое, и никто не можетъ предусмотрѣть темпа поступательнаго развитія исторіи, чтобы вычислить срокъ завершенія эволюціи въ анархіи.

Въ примѣненіи этого эволюціоннаго метода Кропоткинымъ и является главная цѣнность его произведеній. Возьмите „Хлѣбъ и Волю“: книга начинается съ изложенія въ нѣсколькихъ штрихахъ исторіи культуры, исторіи развитія производительныхъ средствъ и завершается подробнымъ изученіемъ достигнутой стадіи этой культуры, и оттого изложеніе Кропоткина пріобрѣтаетъ такую силу убѣдительности.

Всякой теоріи должна соотвѣтствовать и практика признающей ее партіи. Возьмемъ земельный вопросъ. Сколько нашихъ товарищей пытаются разрубить его однимъ росчеркомъ пера, на подобіе соціалистовъ-государственниковъ. Но тѣ, государственники, разсчитываютъ на силу своихъ законовъ, на силу принужденія и каръ (вопросъ сейчасъ не въ томъ, насколько можно передѣлать законами жизнь), а мы, анархисты, повторяемъ за соціалистами ихъ обобщающіе лозунги, расчитанные на принужденіе, и не задаемъ себѣ даже вопроса, на какой стадіи культуры стоитъ земледѣліе въ той или другой губерніи, въ тѣхъ или другихъ отдаленныхъ окраинахъ;—мы забываемъ даже, что въ Россіи, или въ странѣ, которая называлась Россіей,—такъ какъ теперь въ ней происходитъ усиленное разложеніе ея государственности, — до сихъ поръ еще есть почти первобытныя, кочевыя народности.

Даже говоря о культурныхъ центрахъ, мы упускаемъ изъ виду эволюціонный методъ научнаго анархизма и увлекаемся соціальными экспериментами такихъ государственныхъ партій, какъ большевистская. Мы забываемъ, что ихъ декретами сверху жизнь не передѣлаешь, что лучшими изъ законовъ внесешь въ нее только большую путаницу и разруху, которая, въ конечномъ счетѣ, отразится всей тяжестью на простомъ трудовомъ народѣ.

Научный анархизмъ, какъ и соціализмъ вообще, предусматриваетъ въ эволюціи производства обобществленіе орудій производства, и анархистъ-революціо-

неръ, желающій перейти отъ теоріи къ практикѣ, долженъ прежде всего самъ себѣ выяснить, *на конкретномъ примѣрѣ*, какъ на дѣлѣ привести это въ исполненіе и затѣмъ научить рабочихъ сдѣлать это самимъ, своими руками, такъ, чтобы не разстраивать, не останавливать производства, которое кормитъ ихъ съ семьями. Безъ этого условія всѣ попытки соціальной революціи обречены на неудачи и выродятся въ кружковые заговоры съ цѣлью непродуманныхъ, безпочвенныхъ захватовъ или въ упованіе на государственную власть, которою нѣкоторые анархисты такъ увлеклись, что стали помогать соціалъ-демократической большевистской партіи захватывать ее. Пусть партіи соціалистовъ-государственниковъ сами борются между собой и сами вырываютъ власть другъ у друга изъ рукъ; каждая такая распря, можетъ быть, выбиваетъ новый камень изъ фундамента государственности и облегчаетъ нашу работу? Но какихъ ненужныхъ, не неизбѣжныхъ жертвъ это стоитъ народу!

Главное препятствіе, въ наши дни распада власти, не въ одной государственности, а въ неумѣніи, въ неподготовленности рабочихъ взять самимъ производство въ свои руки; — главное препятствіе въ томъ, что всѣ соціалисты, въ своемъ увлеченіи пропагандой теоріи борьбы классовъ, разбили даже трудовой народъ на два, сейчасъ едва-ли не враждебныхъ лагеря, на технически подготовленныхъ умственныхъ тружениковъ и на обыкновенныхъ мастеровъ и рабочихъ.

Теперь уже началась борьба между послѣдними, между такъ-называемыми квалифицированными мастеровыми и простыми рабочими.

На всеобщей враждѣ, на борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, безъ общечеловѣческихъ этическихъ устоевъ, обязательныхъ какъ по отношенію къ врагамъ, такъ и къ друзьямъ, не воздвигнешь новаго строя общественной жизни.

Не только сила государственности сейчасъ задерживаетъ эволюцію производства къ его обобществленію, а и отсутствіе сознательнаго воспріятія пройденной эволюціи и неподготовленность самихъ рабочихъ къ воплощенію его въ жизнь.

Теряя эволюціонную нить нашего мышленія, мы отклоняемся на практикѣ отъ нашей истинно революціонной тактики, мы уклоняемся отъ нашихъ прямыхъ задачъ, мы принимаемъ участіе въ борьбѣ за захватъ власти партіями государственниковъ, хотя и съ оговорками. *Но до народа не доходятъ наши оговорки; онъ видитъ и судитъ по дѣйствіямъ.* Ими мы косвенно укрѣпляемъ вѣру рабочихъ въ возможность государственнаго обновленія общественнаго строя, смѣшивая наши знамена съ ихъ знаменами, и тѣмъ беремъ на себя часть отвѣтственности за ихъ ошибки, за пагубныя экономическія послѣдствія ихъ тактики и за пролитую кровь.

Какъ бы за грѣхи государственниковъ-большевиковъ не пришлось отвѣчать и анархистамъ передъ народомъ!

Нужно отмежеваться отъ соціальныхъ утопій всѣхъ государственниковъ и ихъ тактики ни чѣмъ не обузданныхъ насилій и произвола власти, пока не поздно.

II.

О революціонныхъ пріемахъ нѣкоторыхъ анархистовъ.

Увлекшись эфемернымъ успѣхомъ соціалистовъ государственниковъ (большевиковъ) въ рабочей и солдатской средѣ, часть анархистовъ пошла по ихъ стопамъ даже въ пріемахъ борьбы, въ революціонной тактикѣ. Плохую услугу они оказали анархизму, смѣшавъ свое надпартійное ученіе съ практическими проявленіями государственнаго соціализма. Они забыли, что то, что

допустимо для соціалистовъ государственниковъ съ ихъ точки зрѣнія, такъ какъ они признаютъ власть, слѣдовательно, гнетъ и произволъ, а именно: аресты, личные обыски и обыски частныхъ жилищъ, цензуру въ самой грубой формѣ, въ видѣ разорѣнія и закрытія чужихъ органовъ печати, захватъ типографій вопреки волѣ самихъ работающихъ въ нихъ типографскихъ рабочихъ и т. п.,—всѣ эти пріемы борьбы государственныхъ партій у власти или стремящихся захватить власть являются нарушеніемъ самыхъ основныхъ началъ анархистическаго ученія; они разрушаютъ плоды пропаганды, созданной цѣной долгихъ и упорныхъ усилій; они отшатываютъ отъ нашего ученія сознательные народные слои, такъ какъ эти тактическіе пріемы слишкомъ явно расходятся съ этикой нашего ученія.

Вѣдь, анархія не ученіе фанатичныхъ сектантовъ, узкихъ догматиковъ, огнемъ и мечомъ уничтожающихъ всѣхъ несогласныхъ, всѣхъ инако мыслящихъ; анархія, прежде всего,—свобода личности, граничащая съ *равной* свободой другой личности, кто-бы она ни была по убѣжденіямъ, естественной нравственностью безъ санкціи и принужденія.»

«Анархистъ, поднявшій руку для обыска другого человѣка, хотя бы для розыска оружія, это уже не гордый идейный анархистъ; онъ ниже послѣдняго полицейскаго; этотъ, по крайней мѣрѣ, не укрывается за знаменемъ свободы. Анархистъ, переступившій порогъ чужого жилища для обыска, хотя бы опять въ поискахъ оружія, преступникъ противъ высокаго и чистаго ученія, которое наши идейные противники считаютъ недосягаемымъ.

Анархистъ, разрушающій чужую, хотя бы враждебную редакцію, не лучше всякаго коронованнаго деспота; эти тоже угнетали свободу слова во имя мнимыхъ общественныхъ интересовъ. Такіе анархисты свое неумѣніе организовать собственную печать, свою бездарность, безпомощность часто приписываютъ исключительно матеріальной силѣ своихъ противниковъ.»

Отчего въ такомъ случаѣ произведенія лучшихъ нашихъ учителей такъ легко расходятся, что даже слабыя анархистскія группы ихъ безубыточно издаютъ (но, къ сожалѣнію, не всегда представляя публичный отчетъ о выручкѣ съ изданій, какъ это принято у нашихъ западно-европейскихъ товарищей)?

Отчего коммерческія предпріятія, и за-границей, и у насъ, охотно издаютъ на разныхъ языкахъ основныя произведенія нашего ученія?

Отчего въ Европѣ и Америкѣ создаются прочные органы анархистской мысли?

Разрушать чужую прессу, даже буржуазную, другимъ оружіемъ, кромѣ пера, къ лицу только государственникамъ и преступленіе противъ анархизма.

Своеобразнымъ пріемомъ для части нашихъ русскихъ товарищей стали „захваты“: захватъ типографій, захватъ помѣщеній.

Захватъ типографій... Но какая этика, какіе принципы вамъ позволили врываться въ мастерскую, которая прокармливаетъ, хорошо-ли, плохо-ли – десятки, можетъ быть сотни рабочихъ съ ихъ семьями? И безъ гарантіи, что вы тоже можете ихъ прокормить?

Захватъ помѣщеній, дачи Дурново... Было время, когда, быть можетъ, искренніе, но ограниченные идеологи вздумали проповѣдывать кражу, какъ средство борьбы противъ частной собственности, какъ частичную экспропріацію. Но это оказалось возможнымъ примѣнить къ предметамъ личнаго потребленія, а не къ орудіямъ коллективнаго производства.

Въ результатѣ, всѣ профессіональные воры стали прикрываться этой „теоріей“ и только тогда своеобразные теоретики умолкли и стали отмежевываться отъ нихъ.

Теперь вновь нашлись теоретики „захватовъ“—до тѣхъ поръ пока въ ихъ лагерь не войдутъ банды хулигановъ и погромщиковъ—и тогда только и эти начнутъ отмежевываться отъ нихъ.

«Экспропріація—основная задача соціальной революціи. Понятна поспѣшность многихъ молодыхъ товарищей перейти отъ словъ къ дѣлу. Но это нужно сдѣлать такъ, чтобы достигнуть цѣли, а не прямо противоположнаго результата.

Экспропріація частной собственности капиталиста (конечно, не предметовъ его личнаго потребленія, на которые онъ имѣетъ право наравнѣ со всѣми) означаетъ передачу ея въ общее пользованіе.

Этотъ актъ соціальной справедливости нужно произвести продуманно и организованно, иначе онъ превратится въ свою противоположность—аппропріацію, т. е. присвоеніе.»

Нынѣшняя война насъ научила, какъ это сдѣлать; она создала спеціальные профессіональные органы, цѣлую новую отрасль общественной службы, которая можетъ привести въ исполненіе цѣль соціальной революціи съ наибольшими гарантіями. Это—продовольственные органы, которые призваны равномѣрно распредѣлять съѣстные продукты, одежду и жилища. Если эти органы не всегда совершенны, то анархисты должны стремиться всѣми силами улучшить постановку дѣла, усовершенствовать технику.

«Что касается до бѣдныхъ, нетрудоспособныхъ и безработныхъ, то и тутъ нужна организованная соціальная взаимопомощь, а не методъ „хватанія“ и раздачи направо и налѣво,—методъ, который по своему существу напоминаетъ буржуазную *благотворительность*. Наши товарищи въ Кронштадтѣ это дѣло уже организовали, тамъ нетрудоспособные получаютъ помощь по прожиточнымъ нормамъ отъ своихъ домовыхъ комитетовъ, изъ доходности домовъ. Намъ всѣмъ слѣдуетъ взять съ нихъ примѣръ. Времена безплодныхъ сантиментальныхъ рѣчей и сокрушеній о судьбѣ бѣдныхъ прошли, наступила пора перейти къ *организованному* улучшенію ихъ положенія. Самочинными экспропріаціями и захватами мы дадимъ возможность поживиться отъ времени

до времени кое-кому, и то почти всегда не дѣйствительно или наиболѣе нуждающимся.

Но хуже всего то, что личными и групповыми экспропріаціями мы внесемъ сами моральное разложеніе въ свою среду, узаконяя произволъ и *личное усмотрѣніе*, за отсутствіемъ общественнаго контроля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, откроемъ широкую дорогу въ нашу среду всякимъ неуравновѣшеннымъ и преступнымъ элементамъ, этимъ уродливымъ и несчастнымъ продуктамъ отживающаго капиталистическаго строя.»

«Мы противники завоевательной войны, мы не хотимъ болѣе бойни людей, а часть изъ насъ съ легкимъ сердцемъ примкнула къ братоубійственной гражданской войнѣ, затѣянной одной партіей соціалистовъ-государственниковъ, чтобы вырвать власть изъ рукъ другой.»

Они наивно повѣрили ихъ трескучимъ декретамъ, они поддались ихъ умѣнью использовать общественныя бѣдствія, тьму народную, нужду черную, для партійныхъ цѣлей; они вообразили, что вездѣ, гдѣ раздаются выстрѣлы—соціальная революція; они забыли, что истинная революція—школа свободы, а не разгулъ произвола и гнета власти.

Поколѣнія нашихъ предшественниковъ на революціонной стезѣ не могли бы допустить даже мысли о подобныхъ отклоненіяхъ отъ революціонной этики. Но то было при самодержавіи, а теперь вожаки революціи у власти сами стали самодержцами!..

Всеобщее моральное одичаніе, вызванное этой длительной міровой войной отразилось на малокультурной Россіи сильнѣе, чѣмъ на всякой иной странѣ, и на извѣстной части русскихъ анархистовъ не меньше, чѣмъ на всемъ остальномъ обществѣ.

Пора намъ всѣмъ, анархистамъ, примѣнить оружіе критики также къ самимъ себѣ, давно пора строго согласовать наши дѣйствія, нашу тактику съ этическими началами анархизма, съ нашими идеалами.

Истекшее кровью, обнищавшее человѣчество задыхается въ атмосферѣ нравственнаго разложенія, оно порывается за крайними партіями для утоленія жажды соціальной справедливости.

Русскій народъ началъ разочаровываться въ послѣднемъ своемъ увлеченіи,—въ государственномъ соціализмѣ,—а уже замѣчается прорывъ народнаго теченія къ анархизму.

Побѣдитъ въ наши дни всеобщей жажды справедливости не тотъ, у кого *нервы крѣпки*, т. е. кто *нравственно тупѣе*, а тотъ, кто *нравственно выше и сильнѣе*.

Окажутся ли анархисты на высотѣ своего историческаго призванія? Внесутъ ли они въ жизнь, и прежде всего въ свою тактику, нравственные устои своего ученія?—или народъ, разочаровавшись и въ нихъ, повернетъ къ старымъ реакціоннымъ, но все же устоямъ?..

III.

Объ организаціи:

федерація или агрегація?

Вопросъ объ организаціи—подводный камень, который съ трудомъ былъ обойденъ челномъ анархистскаго ученія по пути изъ области теоретическихъ построеній въ міръ живой пропаганды. Передъ затрудненіями, связанными съ этой задачей, люди нетерпѣливые по роду мышленія порой совершенно отказываются отъ ея разрѣшенія и вдаются въ мизантропическій индивидуализмъ, или же спѣшатъ примкнуть къ компромисснымъ практическимъ рѣшеніемъ.

Къ такому компромиссному рѣшенію вопроса относятся организаціи такъ называемыхъ *федерацій анархистскихъ группъ*.

Слово „федерація“ въ анархистскомъ движеніи далеко не новое. При распаденіи перваго Интернаціонала, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оно впервые покрывало анархистское теченіе въ откэловшейся отъ него *„Юрской Федераціи“*. Но тогда это была „федерація“, унаслѣдованная отъ Интернаціонала, который такъ или иначе признавалъ руководящее выборное начало въ системѣ своей организаціи.

Вслѣдствіе этого принципіальнаго противорѣчія между анархистской теоріей и практической стороной ея организаціи, Юрская федерація вскорѣ распалась и движеніе приняло форму отдѣльныхъ, сплошь и рядомъ очень неустойчивыхъ, самостоятельныхъ группировокъ, обыкновенно сплачивавшихся вокругъ одного или нѣсколькихъ товарищей съ болѣе развитой личной иниціативой.

Группы множились, внѣшне ничѣмъ не связанныя между собой, кромѣ общаго фона идейнаго направленія.

Отъ времени до времени дѣлались попытки согласовать дѣятельность отдѣльныхъ группъ созывомъ „конференцій“ (съѣздовъ), но практическіе результаты ихъ оказывались ничтожными, т. к. никакія обязательныя постановленія не могли быть приняты на нихъ.

Подобно тому какъ научные съѣзды мало что вносятъ въ науку, ибо и тамъ невозможны обязательныя постановленія и наука развивается и растетъ въ кропотливой лабораторной и кабинетной работѣ, такъ и анархистскіе съѣзды давали съѣзжавшимся товарищамъ возможность личнаго общенія и обмѣна мнѣній, но и только; никакой организаціонной роли они не играли. Современное анархистское движеніе выросло и окрѣпло въ первоначальныхъ группахъ.

Появившіяся за послѣднее время у насъ въ Россіи „федераціи анархистскихъ группъ“ съ ихъ „совѣтами федерацій“, въ сущности, повторяютъ отжившее прошлое анархистическаго движенія и проявляютъ полную принципіальную и тактическую несостоятельность. Эти

федераціи, съ внѣшней стороны, подражаютъ организаціямъ политическихъ партій государственниковъ своими „совѣтами федерацій“, печатью федераціи и т. п., но, въ силу противорѣчія внѣшней формы съ идейнымъ содержаніемъ анархистскаго ученія, онѣ практически сводятся къ фикціи, къ видимости организаціи, которой подъ этой формой, въ дѣйствительности, нѣтъ.

Только этой фикціей можно объяснить появленіе отъ имени „Московской Федераціи анархистскихъ группъ“ такого документа, какъ „Манифестъ“, напечатанный въ № 9 „Анархіи“. Помимо массы рискованныхъ тезисовъ, „Манифестъ“, въ сущности, проповѣдуетъ государственно-соціалистическую организацію во *всероссійскомъ* и *государственномъ* масштабѣ и только старается маскировать это государственное начало „объединеніемъ снизу вверхъ на федеративныхъ началахъ“. Государственное начало, (хоть оно и называется федеративнымъ), довѣрено въ „Манифестѣ“ до организаціи „*внѣшняго*“ обмѣна Всероссійскимъ Союзомъ Труда, а вѣдь понятіе „внѣшній“ присуще только территоріальной государственности.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ „Манифестъ“, претендующій быть выразителемъ идей цѣлой „федераціи анархистскихъ группъ“, на самомъ дѣлѣ, отражаетъ чьи-то личныя идеи, а не программу цѣлой организаціи, если послѣдняя мало-мальски анархистская.

Тамъ, гдѣ нѣтъ обязательности общихъ постановленій, тамъ не можетъ быть политической организаціи въ общепринятомъ смыслѣ слова.

Не претендуя на *завоеваніе власти* избирательными записками или на *ея захватъ* заговорами и физическимъ насиліемъ, анархистское движеніе развилось въ культурныхъ странахъ усиліями отдѣльныхъ личностей и группъ. Эти группы и личности, въ сущности, организованы, такъ какъ представляютъ изъ себя *идейное объединеніе* и *практическое сплетеніе усилій* отдѣльныхъ однородныхъ элементовъ въ общей структурѣ, безъ

всякаго центра; онѣ образуютъ не федерацію, а своего рода *агрегацію*, если можно употребить, по сходству построенія, этотъ научный терминъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что анархистскія группировки, для большаго укрѣпленія существующихъ связей между собой, должны стремиться умножить связующія ихъ идейныя и практическія нити, но для этого достаточно имѣть раіонныя или, вообще, территоріальныя мѣста сходокъ, гдѣ товарищи могли бы чаще встрѣчаться, обмѣниваться мнѣніями и координировать свои дѣйствія. Для этого нужны анархистскіе клубы и, въ сущности, организаціи, неправильно названныя „федераціями анархистскихъ группъ“, играютъ эту роль.

Но въ развитіи и расширеніи анархистскаго движенія въ послѣднее время наступилъ такой періодъ, что издательскія средства отдѣльныхъ группъ и группировокъ уже не могутъ дать возможности широкаго распространенія идей въ готовыхъ ихъ воспринять народныхъ массахъ. Для того, чтобы пойти на встрѣчу этой назрѣвшей потребности, анархистамъ не за чѣмъ объединяться, съ нарушеніемъ своихъ началъ или созданіемъ фикцій, въ федераціи. Имъ нужно использовать уже испытанные пріемы кооперацiи и создать кооперативныя анархистскія типографіи и издательства.

Складъ изданій „Починъ“: Москва, Коровій Валъ, д. 16, кв. 14.

Розничная продажа: книжн. магазинъ „Посредникъ“, Москва, Петровскія линіи, тел. 68—26.

Цѣна 25 коп.